

НАТАЛЬЯ ВАРЛЕЙ: "Проклятых"

ролей не бывает, или Как общение перерастает в любовь

<http://www.apn-spb.ru/publications/article10367.htm>

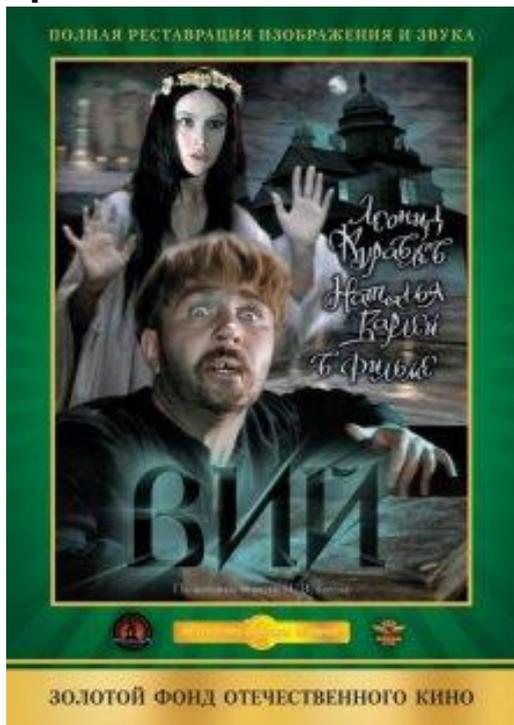
Жизнь Натальи Варлей — любимой всеми зрителями «спортсменки, комсомолки и просто красавицы» Нины из «Кавказской пленницы» — всегда была предметом огромного интереса публики. Говорили, что после роли Панночки в экранизации гоголевского «Вия» на неё обрушились страшные несчастья и что именно из-за череды «мистических событий» она обратилась к вере. О том, что на самом деле привело актрису к Православию и какими были её первые шаги в Церкви, — наш рассказ.

Справка: Наталья Варлей - актриса театра и кино, поэт и певица, заслуженная артистка РСФСР. В детстве Наталья много путешествовала: семья постоянно перемещалась по месту службы отца — капитана дальнего плавания. В 1965 году окончила физкультурно-акробатическое отделение Государственного училища циркового и эстрадного искусства и пришла в труппу Московского цирка на Цветном бульваре. Сниматься в кино Варлей начала, еще учась в цирковом училище. Всесоюзную известность принесла ей роль Нины в фильме «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» режиссёра Леонида Гайдая. В 1967 году сыграла Панночку в «Вие», снятом по повести Гоголя. В 1971 году окончила Театральное училище имени Б. В. Щукина. В 1971–1979 годах Варлей — ведущая актриса Драматического театра им. К. С. Станиславского. В 1992-м защитила с отличием диплом еще одного вуза — Литературного института им. А. М. Горького. Пишет стихи, играет в театральных антрепризах, концертирует. Имеет двоих взрослых сыновей.

«Проклятых» ролей не бывает

В прессе, в основном «жёлтой», не раз писали, что после роли Панночки в фильме «Вий» на меня посыпались несчастья. И якобы именно это привело меня к вере. Это неправда. В юности, когда я только начинала воцерковляться, я очень переживала, что роль греховна (ну как же — «нечистая сила в храме!»), но потом начала понимать, что все-таки Панночка — просто роль. Это экранизация повести Гоголя. И сам храм — построенная на «Мосфильме» декорация. Конечно, на каждую роль, особенно на такую, надо просить разрешения духовника, но в те годы я еще даже не была крещена. Я работала в театре, у меня рос сын, я была секретарем комсомольской организации театра... И вдруг почувствовала огромное желание креститься. Как человек приходит к вере? Либо его

воцерковляют в детстве, либо он сам ищет пути к Богу. Меня к вере привела тяжелая полоса в жизни, которую я, конечно, не связываю напрямую с «Виём». Крестилась я в Херсоне, у меня до сих пор хранится молитвослов, который мне подарил в тот день крестивший меня батюшка.

Имеет ли роль силу над актёром? Я часто думала над этим. Много лет назад я спросила у своего первого духовника отца Алексея Грачёва: «Раньше скоморохов хоронили за оградой кладбища, работа у меня греховная... Как быть?» Батюшка ответил тогда: «Наташа, ты готова все бросить и пойти в храм свечницей? Ты сможешь этим прокормить свою семью? Нет. Тогда используй единственное право человека — право выбора. Всегда пытайся понять, полезна ли роль для человеческой души или вредна?»

Артист может нести добрые мысли и идеи, не обязательно играя положительных героев, а просто ясно давая понять, что зло — это зло, а добро — это добро. Хотя добро не всегда бывает внешне привлекательным, как и зло — отвратительным. Панночка — яркая, красивая, страстная, но она — средоточие тёмных сил, и это становится ясным до конца, когда в храме гроб в храме под ней рассыпается и она превращается в страшную старуху-ведьму. Гоголь не романтизирует зло. Да, он был мятущимся, противоречивым, но очень верующим человеком. Но творец — в душе ребёнок, Гоголю всё время хотелось заглянуть в страшную тёмную комнату, где живут ведьмы и вурдалаки.

Возможно, роль Панночки стала одной из последних капель, которая упала на чашу весов и перевесила, — и я пошла и крестилась. Но крещение — это еще не воцерковление.

Отец Алексей Грачёв спас моего сына

По-настоящему я начала воцерковляться, когда стала духовной дочерью священника Алексея Грачева (1959–1998). История нашего знакомства удивительна. Я училась на втором курсе Литинститута, готовилась к сессии и всю ночь перепечатывала контрольную по истории КПСС. Я была беременна младшим сыном, Сашей. Беременность была сложная, срок еще небольшой — семь месяцев, и, конечно, надо было себя поберечь, а не печатать ночью на машинке. Пойти утром в институт я уже не смогла. Я была дома одна, вызвала такси и поехала в родильный дом. У врачей в ординаторской был какой-то праздник — никто даже не захотел слушать, что я рожая, сказали: рано.

В результате я сама пошла в родильное отделение, и побежавшая замной акушерка еле успела подхватить ребенка. И вот тогда доктороподняли тревогу: «Ах, маленький срок! Ах, отрицательный резус! Ах, ребёнок не кричал! Скорее ищите Алексея Владимировича, если он

ещё не ушёл».

Алексей Грачев, врач-микрopedиатр (специалист по первым дням жизни младенца), должен был уйти из роддома ещё сутки назад, но Бог распорядился так, что он оказался рядом с моим малышом и начал его спасать. Меня, оцепеневшую, увезли в общую палату. Вскоре мамам принесли детей. А мне никого не несут. И вот тут-то у меня началась истерика: я сидела и рыдала, понимая, что из-за истории КПСС я прохлопала своего ребёнка. Потом взяла ведро, тряпку и начала протирать пол в палате, лишь бы делать хоть что-то.

И вот я роняю слёзы на пол, растираю их вместе с водой — и навстречу мне идёт молодой врач с лучистыми глазами: «Ну что ты плачешь?». Берёт меня за руку и ведёт к палате интенсивной терапии, где в кювезе лежит непонятное синее существо, опутанное трубочками и проводками, — мой сын.

«Вот посмотри, внимательно посмотри. Ты видишь, что он улыбается?». И я вижу — да, улыбка, пусть и из носа трубка, и из ротика — отовсюду. «Он нам помогает. А ты, плача, ему мешаешь. Ты должна, во-первых, молиться, во-вторых, назвать его по святцам и обязательно, как

только всё будет нормально, его крестить». Через пять дней моего сына перевели в 13-ю больницу к замечательному врачу Марине Викторовне. Господь послал мне двух удивительных людей, которые, как Ангелы на крыла, подхватили моего ребёнка и удержали на этой земле.

Как мы крестили детей

Через месяц я забрала Сашу из больницы, и в доме воцарились счастье и покой. Но поскольку у старшего был сложный переходный возраст, младший был слабеньким, а я ещё училась в институте... в общем, о крещении я забыла. Я молилась каждый день, но уже прошло года два, а сын мой всё ещё оставался некрещёным. А тут наша родственница подарила крестик для Сашеньки, и я предложила ей стать его крёстной. Захотела и старшего Васю крестить, но он, пятнадцатилетний, взбунтовался: «Нет, опоздали, я не хочу». Я очень переживала, не знала, у кого просить совета, одно было ясно: силой в храм вести нельзя. И случилось так, что мой давний поклонник — майор Вова, афганец, которые трогательно ухаживал за мной много лет, — рассказал, как однажды после службы подвёз из храма приглянувшуюся ему девушку. Она пригласила его в гости и познакомила с мужем и детьми.

Хозяином дома оказался тот самый врач, который так помог мне, к тому времени уже семинарист. Так мы снова встретились с Алексеем Грачёвым, и я попросила его стать крёстным моих детей: «Но мой старший не хочет, что делать?» Ответ был короткий: «Я приду завтра». Он ровно полчаса говорил с моим сыном, и после беседы Вася вышел со

словами: «Я буду креститься». До сих пор не знаю, о чём они говорили... Крестили моих сыновей в Богоявленском соборе, и я вспоминаю этот день как один из самых волшебных в жизни. С того момента отец Алексей, который вскоре рукоположился, всегда был рядом с нашей семьей.

Наталья Варлей. Кадр из фильма «Кавказская пленница»

Мой духовник

Для меня разговор обо мне верующей невозможен без рассказа об отце Алексии. Каким я запомнила его? По-отечески ласковым и в то же время строгим. Сам бывший хиппи и битломан, он непримиримо относился ко всякого рода фанатству и идолопоклонничеству. Увидев у моего старшего сына на стене плакаты Beatles, очень расстроился; в тот же день сын молча снял плакаты. Глядя на привезённые мной из Африки ритуальные маски, покачал головой: «Что же ты, Наташа, идолов в дом принесла?». А придя через неделю и не увидев ни того, ни другого, удивился: «Послушались? А я всё переживал, думал, не слишком ли суров был с вами».

При всей своей строгости батюшка был «детский человек» — доверчивый и отзывчивый. Я могла позвонить ему в любое время суток, с любой своей болью, и он слушал меня, слушал... Он всего себя отдавал нам. А ведь это очень важно, когда священник с тобой всем сердцем — молится вместе, страдает вместе. Особенно на исповеди.

Формальная исповедь может надолго отратить человека от храма, и пусть она благодатна, но когда выходишь после — на душе тяжело. Вспоминаю свою первую исповедь у отца Алексия. Я долго готовилась к ней, а когда подошла к нему и увидела его глаза — слёзы сами потекли ручьями, как будто грехи истекали из меня... После, причастившись, я ощутила, будто у меня крылья выросли: так было легко.

Став священником, отец Алексей всё равно был окружен детьми: крестил и исповедовал сирот-инвалидов, отговаривал стоящих на перепутье будущих мам от аборта. Помню, когда я приходила к нему в храм, часто видела коляски с краснощекими младенцами: «Это вот раб Божий Феодосий, это раба Божия Параскева. А ведь могли и не родиться на свет...». В 1998 году отец Алексей погиб в автокатастрофе, для меня это была невероятная утрата. Я утром открывала глаза, и начинала плакать. Я понимала, что надо молиться, но ничего не могла с собой поделать. И тогда я решила отправиться в паломничество — с сыном Сашей мы проехали по многим монастырям. Из поездки я вернулась другим человеком. Но у меня не было духовника. Моим вторым духовным отцом стал близкий друг отца Алексия — священник Сергей Николаев, настоятель храма Рождества Богородицы в Подмосковье. Это в семидесяти километрах от Москвы, но в праздники мы всегда ездим туда с детьми и внуком. Этот храм — наша вторая семья.

Рассказ о моем папе

Многие говорят: «Бог у меня в душе и в храм мне ходить не нужно». Наверно, эти люди просто не читали Библию: где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Евангелие от Матфея, гл.18, стих 20). Бог там, где сильная молитва. Особенно молитва братская. Нельзя говорить, что люди сторонятся Церкви потому, что не хотят утруждать себя постами и долгими службами. Мне кажется, часто это происходит просто от незнания: у них нет опыта этой самой братской молитвы. Когда в Прощёное воскресенье на чине прощения все становятся друг перед другом на колени — прихожане, священник — у меня в душе растёт такое чувство единения с людьми, которого, наверно, я нигде больше не испытываю.

Если бы мы всегда так умели просить друг у друга прощения, как в те минуты церковной службы, на земле царили бы мир и добро. А многие люди просто не знают такой Церкви! Дай Бог им узнать — и чтобы не было слишком поздно.

Я часто вспоминаю своего отца. Всю жизнь он прожил атеистом. Родился в 1919 году, стал пионером, потом комсомольцем, вступил в партию. Человек военный, он был мягким с родными, но жестким на службе, если дело касалось принципов. В войну папа был контужен, и когда ему исполнилось восемьдесят лет, врачи обнаружили у него в мозге кисту: «Отдавайте его в психиатрическую клинику, одна вы не справитесь». Но папа остался с нами: он то забывался, то был буйным.

Однажды я осторожно спросила: «Папа, можно я позову отца Сергия, он тебя соборует?» Он согласился. От отца батюшка вышел потрясенный: «Владимир Викторович встал и... подпевал все псалмы и молитвы. На вопрос, откуда он знает тексты, рассказал, что когда был маленьким, сбегал из дома и тайком пел в церковном хоре». Представляете, в самое атеистическое время он, ребёнок, принял в свою душу зернышко веры, и оно проросло перед самой его смертью. Наверно, это и есть тертуллианово «душа по природе христианка»! Я очень радуюсь, что и мама моя, которой сейчас восемьдесят четыре года и которая тоже не была верующей, пришла к Богу.

Почему зрители любят Нину

Для меня актёрская профессия — это не тщеславие и не погоня за сверхпопулярностью. Конечно, если актёра не знают, он не актёр. Но в моем деле можно быть счастливым, только когда общение со зрителем перерастает в любовь, когда во время спектакля что-то в душах у людей переворачивается. Меня коробит, когда мою героиню из «Кавказской пленницы» Нину называют первым секс-символом СССР. Разве таким словом это называется? Мне кажется, Нину любят потому, что с ней хочется дружить, а её красота и обаяние — это чистота плюс надежность. И непреходящий интерес зрителей к картине Гайдая — это не просто узнаваемость, а любовь. Профессия актёра ведь не исчерпывается

равнодушным «О, знакомое лицо, да это же этот — из телевизора!». Профессия наша не про это, а про то, чтобы благодаря нам зрителям было хоть немного легче жить: актёр никогда не даст излечения, но может своей игрой подарить надежду на выздоровление.

Чему меня научил цирк

Если в кино, театре и цирке смеются — это должен быть добрый смех. Когда в цирке я работала вместе с Леонидом Енгибаровым, я видела, что его персонаж — «клоун с осенью в сердце» — смешной, трогательный, нескладный — умеет любить так, как никто другой. И вместе с тем он — необыкновенно смешной. Вообще цирк дал мне очень многое.

Когда я была маленькой, меня потряс балет, и я мечтала стать балериной, но была слабым и болезненным ребенком, к тому же полненькой... Потом я увидела укротительницу тигров Маргариту Назарову и воздушную гимнастку Раису Немчинскую — и все вопросы были для меня решены. Ничего не говоря родителям, я пришла в детскую цирковую студию, а через год поступила в цирковое училище. Захотела стать эквилибристкой — и стала. Хотя до сих пор не могу подняться на последний этаж и глянуть без ужаса вниз, в лестничный пролет: у меня боязнь высоты.

Мне стало однажды обидно: почему я не могу летать, если хочу, почему я должна ползать? Мне не хотелось быть слабее своего страха. Дети ведь наделены многими талантами, искрами, которые в них вдохнул Господь, и искры эти можно либо погасить, либо дать им разгореться. Пока росли мои дети, я много времени проводила с ними, но всё-таки мне кажется: моя профессия их обокрала. Путь даже фильмы и спектакли дали им что-то важное в душевном плане, но разве это может заменить постоянное общение мамы с ребёнком? Я очень хочу, чтобы мои сыновья, сейчас уже взрослые, несмотря ни на что смогли реализовать дар Божий, который в

каждом из них заложен.

Что трудно в Церкви

Много времени прошло с момента моего воцерковления. Стало ли мне легко в Церкви? И да, и нет. Иногда бывает очень трудно удержаться на правильном пути. Я эмоциональный человек и склонна к тяжкому унынию. Порой бывает так плохо на душе, что уткнувшись в подушку и

реву. А ведь надо только взять себя в руки: позвонить батюшке, пойти в храм и хотя бы просто постоять перед иконами. И уже станет легче. Но оправдываешь свою лень тем, что «нет сил», «устала».

Бывает, сделаешь себе маленькую поблажку — не прочитаешь вечернее правило: вроде все в жизни хорошо, спокойно и просить Бога особо не о чем... А потом маешься.

А пересилишь себя в малом — и всё будто встает на место: и страх за близких стихает, и дух лени тебе не страшен, и просыпаешься наутро совсем другой — с обновлённым сердцем и верой в лучшее.

Источник: Журнал «Фома»// <https://foma.ru/natalya-varlej-proklyatyix-rolej-ne-byivaet.html>

Ещё больше интересных статей см. на сайте: <https://небесный-дом.рф>

